

ЛОНДОН, НОЯБРЬ 1850

Портрет

Когда улицы Лондона становятся темны и на них опускается тишина, юная девушка на цыпочках спускается в подвал кукольной мастерской и садится за древнее бюро. Перед ней лежит раскрашенная фарфоровая голова куклы — лежит и смотрит в пустоту пустым взглядом ярко-зеленых глаз. Девушка выдавливает немного белой и розовой акварели в устричную раковину, задумчиво слюнявит кончик кисти и поправляет зеркало на подставке. Негромко потрескивает свеча. Девушка щурится и глядит на лежащий перед ней лист бумаги.

Наконец она добавляет в раковину немного воды и тщательно смешивает краски, пытаясь получить телесный тон. Первый, неуверенный, мазок ложится на бумагу. Толстая полугладкая бумага холодной прессовки не коробится от воды.

Кольшутся вместе с пламенем свечи тени. Они становятся то короче, то длиннее, и тогда темно-рыжие волосы девушки почти сливаются с темнотой подвала. Еще мазок. Еще... На бумаге появляются очертания подбородка и скул. На них падает свет, и девушка добавляет белой краски, старательно выписывая собственное лицо, отражающееся в зеркале: широко расставленные глаза, лоб, резкий изгиб деформированной ключицы... Наверху, в комнатах над лавкой, спят сестра молодой художницы и хозяйка мастер-

ской, и даже чуть слышное шуршание кисти кажется ей оглушительным, способным разбудить обеих.

Нахмутив брови, девушка рассматривает портрет. Она допустила ошибку, сделала лицо слишком маленьким. Ей хотелось написать его во весь лист, но не вышло; теперь оно занимает верхнюю треть листа, словно паря над пустым белым пространством. Напрасно она поторопилась и не сделала предварительный набросок. Теперь драгоценный лист бумаги, на которую она потратила все, что сумела сэкономить за неделю, безнадежно испорчен.

Или нет?..

Несколько секунд она сидит неподвижно, разглядывая портрет. Ее сердце стучит громко и часто, взгляд блестящих кукольных глаз гипнотизирует. Она знает, что должна вернуться в спальню, пока ее не хватились, но...

Не отрывая взгляда от зеркала, девушка наклоняется вперед и придвигает свечу поближе. Это не дешевая сальная, а настоящая восковая свеча, которую она потихоньку стащила из хозяйкиных запасов. Обмакнув палец в горячий воск, девушка лепит из него колпачок, а потом заносит руку над пламенем. Ей хочется знать, как долго она сможет терпеть жар. Пляшут по стенам тени, чуть слышно трещит, сторая, рыжеватый пушок на тыльной стороне ладони...

Часть первая

Несомненно, в этом сердце обитает нечто неподвластное гибели, а жизнь — больше, чем мечта.

*Мэри Уолстонкрафт,
«Письма, написанные во время
короткого путешествия
по Швеции, Норвегии и Дании»,
(1796)*

В прекрасном — радость без конца, без края,
Прекрасное живёт, не умирая.
Оно растёт и ширится, благое,
Стоит на страже нашего покоя.

Дж. Китс, «Эндимион»¹

¹Пер. Евг. Фельдмана. (Здесь и далее — прим. переводчика.)

Лавка редкостей и курьезов Сайласа Рида

Сайлас сидел за верстаком, держа перед собой чучело голубки. В подвале было тихо, как в могиле, и только дыхание самого Сайласа чуть колыхало перья на чучеле. Их движение создавало иллюзию жизни, и казалось, будто птица вот-вот раскроет серый с жемчужной восковицей клюв и полетит на Темзу клевать на отмелях устриц и рачков.

Во время работы Сайлас сильно вытягивал губы, однако при свете лампы его нельзя было назвать некрасивым. Ему уже исполнилось тридцать восемь, однако его волосы были по-прежнему густы и их совершенно не тронула седина. Вот он ненадолго поднял голову, машинально скользнув взглядом по полкам и стеллажам, на которых выстроились разнокалиберные стеклянные сосуды с бумажными этикетками. В них в мутном растворе соли и квасцов плавают законсервированные «образцы» — разбухшие новорожденные ягнята, змеи, котята, ящерицы, кролики и другие. Они давно мертвы, но кажется, будто они так и льнут к пыльному стеклу, стараясь рассмотреть, что же происходит снаружи, за стенками их стеклянных узилищ.

— Только попробуй теперь от меня улететь, мошенница!.. — пробормотал Сайлас и, вооружившись щипцами, потуже закрутил на ножках птицы проволоку, закрепляя чучело на деревянной подставке. Ему нравилось

разговаривать со своими изделиями, выдумывать истории о том, как и почему то или иное живое существо оказалось на верстаке в его подвальной мастерской. Размышляя о судьбе голубки, он перебрал несколько разных сценариев: то ему казалось, что она совершала налеты на плывущие по каналу баржи с зерном, то он решал, что птица, себе на беду, свила гнездо в снастях стоящего на Темзе «Одиссея». В конце концов Сайлас остановился на варианте, который пришелся ему по душе больше остальных, и несколько раз упрекнул голубку в том, что она усвоила привычку нападать на торгующих водяным кресс-салатом детей.

Теперь чучело было готово, и Сайлас, удовлетворенно вздохнув, поставил его на верстак.

— Ну вот!.. — сказал он и, откинувшись на спинку стула, отвел с лица упавшие на глаза волосы. — Надеюсь, теперь ты уже никогда не сможешь выхватывать пучки салата из рук маленьких озябших девочек, которые пытаются заработать себе на кусок хлеба!

Своей работой Сайлас остался доволен, хотя ему и пришлось поторапливаться, чтобы закончить ее в срок. Да и заказчик — он не сомневался — тоже будет рад: чучело выглядело как живое. Чуть приподнятые крылья голубки расходились цифрой V, и казалось, будто она летит, а легкий наклон вперед еще усиливал это впечатление. Кроме того, Сайласу досталось голубиное сердце, лежавшее теперь в стеклянной банке с консервирующим раствором, в котором плавало уже больше двух десятков побуревших овальных сердец, — их охотно покупали для опытов аптекари и шарлатаны-врачи.

Некоторое время Сайлас прибирался в мастерской, потом тщательно вытер инструменты и аккуратно разложил на столе. Пора было возвращаться в лавку. Он поднялся почти до половины ведущей вверх лестницы и, держа чу-

чело в руках, толкнул плечом крышку люка, когда в подвале пронзительно задребезжал звонок.

Час был еще ранний, но Сайлас надеялся, что это Альби.

Поспешно выбравшись из подвала, он накрыл люк ковром из оленьей шкуры, поставил готовое чучело на шкаф и пошел к дверям. Быть может, думал Сайлас, как раз сегодня произойдет то, о чем он мечтал: мальчишка наконец-то принесет небывалый, удивительный образец — таинственное существо, которое Сайлас не мог себе даже представить. Последние находки Альби никуда не годились; по большей части это были кишасщие червями дохлые крысы, облезлые кошки с размозженными черепами и погибшие под колесами голуби с переломанными крыльями («Ах, если бы вы только знали, сэр, как трудно было их найти! Сборщики костей успевают собрать все самое лучшее!»). Между тем для того, чтобы коллекция выдержала испытание временем и прославилась в веках имя своего создателя, Сайласу необходимо было что-то совершенно необычное, можно даже сказать — исключительное.

Размышляя об этом, Сайлас вспомнил историю одной хлебопекарни на Стрэнде, владелец которой едва сводил концы с концами, выпекая из непросеянной муки твердые как булжники караваи, годные лишь на то, чтобы подпирать ими двери в жаркую погоду. Булочнику уже грозила долговая тюрьма, когда он додумался вымачивать клубнику в сахарном сиропе и продавать в маленьких стеклянных банках. В короткое время захудалая пекарня стала широко известна, теперь о ней даже упоминалось в городских туристических брошюрках. Что-то в этом роде необходимо было и Сайласу — что-то уникальное и неповторимое, что сделает его коллекцию известной. Несколько раз ему даже казалось, будто он нашел это что-то, — нашел свою сахаренную клубничину, — однако, когда работа над образцом подходила к концу, Сайласа одолевали сомнения и он начинал хотеть чего-то другого. Врачи-анатомы и крупные

коллекционеры, которыми он всегда восхищался — образованные люди вроде Джона Хантера¹ и Эстли Купера², — не имели недостатка в образцах для своих исследований. Бывая в пабах напротив Университетского колледжа³, Сайлас частенько прислушивался к разговорам студентов-медиков, обсуждавших утренние вскрытия, и испытывал жгучую зависть. Разумеется, его возможности были куда как скромнее, и все же он верил, что однажды Альби непременно — *непременно!* — принесет ему что-то замечательное. Тогда он сразу станет знаменит, а имя Сайласа Рида украсит собой мемориальную доску перед входом в музей, где будут выставлены его работы, а его талант и усилия наконец-то будут признаны всеми. Не раз он представлял себе, как Флик, возлюбленная подруга его детства, поднимается вместе с ним по крутым каменным ступеням и в восхищении замирает перед мраморной мемориальной доской, на которой высечено его имя. Не в силах сдержать восторга, она крепко обнимет его, а он скажет, что все это он делал только ради нее.

Но когда Сайлас открыл дверь, на пороге стоял вовсе не Альби. Это была всего лишь горничная, которая пришла за заказанным ее госпожой чучелом колибри для шляпки. Следом за горничной явился мальчишка в бархатном жилете, который бесконечно долго рассматривал прилавки и в конце концов купил жалкую брошку с крыльями бабочки, которую Сайлас, с трудом сдерживая презрение и разочарование, едва не швырнул ему в лицо. Потом пришел еще кто-то, и с каждым стуком в дверь его раздражение делалось все сильнее. Полученные гроши он складывал в кошелек из

¹ Джон Хантер — шотландский хирург, считавшийся одним из самых видных ученых и хирургов своего времени.

² Эстли Купер — английский врач, хирург.

³ Университетский колледж — медицинский колледж Лондонского университета.

собачьей кожи, а в перерывах между покупателями водил пальцем по одному и тому же предложению в «Ланцете»¹, пытаясь понять его суть: «...Ново... но-во-обра-зо-вани-е, раз-де-ля-ю-щее ладье... ладьевид... ладьевидные кости сто-пы...»... Звонок, стук в дверь, снова звонок, несколько часов, проведенных в темной подвальной мастерской да необходимость каждый вечер подниматься в спальню над лавкой — вот из чего состояла его жизнь.

Нет, это просто возмутительно, думал Сайлас, окидывая крошечную лавку мрачным взглядом. Торгуешь сущей ерундой, чтобы иметь возможность просто оплачивать аренду! Увы, вкусы покупателей оставляли желать много лучшего. Большинство клиентов были просто неспособны оценить подлинные сокровища: столетний череп льва, веер из китового легкого, чучело мартышки под стеклянным колпаком и многое другое. Почти все они, едва переступив порог, сразу бежали к массивному шкафу из красного дерева в глубине лавки, за стеклянными дверьми которого хранились бабочки, точнее — их багряные и золотые крылья, которые Сайлас додумался помещать между гладкими, тонкими стеклышками. Некоторые из них могли сгодиться в качестве кулонов, большинство же предназначались для того, чтобы держать их в качестве украшения на комод, на каминной полке или на туалетном столике. Сам Сайлас считал крылья глупыми безделушками, которые каждый, у кого достанет воображения, мог бы сделать сам. Увы, те вещи, которые нравились ему самому, покупали разве что аптекари да художники.

Только когда часы пробили одиннадцать, он услышал несильный стук в дверь и тихое позвякивание колокольчика в подвальной мастерской (он нарочно провел звонок именно туда, потому что, увлекшись работой, мог и не ус-

¹ «Л а н ц е т» — еженедельный журнал для медицинских работников, основан в 1823 г.

лышать, как стучат в дверь). Сайлас бросился открывать. Разумеется, это мог быть очередной праздный зевака, у которого завелся лишний пенни, и даже если это был Альби, его появление вовсе не означало, что мальчишка отыскал что-то интересное. В последний раз он принес летучую мышь с переломанными крыльями, дохлую галку и бродячую собаку, годную только на рагу, — и все же сердце Сайласа непроизвольно забилося быстрее.

На сей раз предчувствие его не обмануло. Это действительно был мальчишка.

— А-а, Альби... — проговорил Сайлас, открывая входную дверь, в которую тотчас начал просачиваться желтоватый городской туман — печально знаменитый «гороховый суп» с Темзы. — Принес что-нибудь?

Десятилетний сорванец дерзко ухмыльнулся в ответ («Я знаю, что мне десять, сэр, потому что я родился в тот самый день, когда наша королева выходила замуж за принца Альберта»). Во рту у него оставался только один зуб, который торчал из верхней челюсти, словно виселица посреди площади.

— Принес, сэр. У меня есть для вас отличная зверушка! Такой у вас еще не было.

Сайлас бросил взгляд вдоль переулка, застроенного мрачными, ветхими домами, которые кренились в разные стороны, точно подвыпившие матросы. Переулок казался безлюдным, и он удовлетворенно кивнул.

— Ну, показывай, что там у тебя... — И Сайлас слегка ущипнул мальчишку за подбородок — пусть знает, кто здесь главный. — Задняя нога мегалозавра или, может быть, голова русалки?..

— Для русалок погода не та, сэр. Знаете, какая холоднющая вода в Риджентс-канале? А вот второе существо... Этот ваш мега... мегаза... В общем, он просил передать, что вы сможете забрать его рога, как только он их сбросит.

— Очень любезно с его стороны.

Альби громко высморкался в рукав.

— Но я все равно принес вам кое-что интересненькое. Это настоящие драгоценности, сэ, просто брилянты! И я не расстанусь с ними меньше чем за два шиллинга. Только предупреждаю, товарец не рыжий, как вы любите... — С этими словами мальчуган развязал веревку, стягивавшую горловину его мешка, и запустил руку внутрь. Сайлас с жадностью следил за его движениями. В воздухе распространился чуть сладковатый гнилостный запах, и он прикрыл нос ладонью — запаха мертвечины Сайлас не любил. В его лавке было чисто и прохладно, как в операционной или в аптеке, и почти не пахло ни угольным дымом, ни старым мехом, ни пылью от чучел, не говоря уже о смраде разлагающейся плоти. Сайлас терпеть не мог этот запах и сражался с ним не жалея сил. В кармане жилета он всегда носил миниатюрный флакончик с лавандовым маслом, которое, если капнуть им на верхнюю губу, позволяло не замечать вони, но сейчас ему не хотелось совершать лишние движения и отвлекать Альби, который и так был не способен сосредоточиться на предмете разговора дольше, чем прыгающая с места на место блоха.

Мальчишка подмигнул.

— Настоящее сокровище, сэ! — повторил он, крепко сжимая горловину мешка, словно там было что-то живое.

Сайлас попытался пренебрежительно усмехнуться, но вышло не слишком натурально. Он не любил, когда маленький оборванец пытался его заинтересовать. Глупые ужимки уличного бродяги возвращали Сайласа в собственное детство, когда ему приходилось таскать через весь двор к печам тяжелые глиняные капсулы для обжига керамики, попутно уворачиваясь от материнских тумачков, от которых болели руки и плечи. Порой Сайлас даже спрашивал себя, действительно ли ему удалось оставить ту давнюю жизнь